

УДК 821.161

КНИГА КАК УЧЕБНИК ЖИЗНИ: ЗАМЕТКИ К ТЕМЕ¹

© 2013 С.В. Савинков

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 12 июня 2013 г.

Аннотация: В статье ставится вопрос о характере отношений между «книгой» и «жизнью» в историко-культурной перспективе.

Ключевые слова: книга, жизнь, мечтание, фальшивое, фантастическое, граница, учебник, реальность

Abstract: The article raises the question of the nature of relationship between the "book" and "life" in the historical and cultural perspective.

Key words: book, life, dreaming, false, fantastic, boundary, textbook, reality

Пожалуй, самого высокого статусного уровня книга достигла тогда, когда ей было присвоено значение учебника жизни. Как принято считать, само выражение «учебник жизни» принадлежит Н.Г. Чернышевскому, употребившему его в своей диссертации по отношению к искусству, которое, с его точки зрения, наделено тремя наиважнейшими функциями: воспроизведения жизни, объяснения ее явлений и произведения над ними приговора.

Однако в эпоху, придавшую книге статус учебника жизни, было сформировано и полярно противоположное убеждение по поводу отношений между книгой и жизнью. И для Толстого, и для Достоевского книжное воспитание оказывает пагубное воздействие на человека потому, что уводит его от жизни в сферу фантастического, как бы сказал Достоевский, или в сферу фальшивого, как бы сказал Толстой. Надо сказать, что к книге, а точнее, к тому влиянию, которое она оказывает на становление человека, смотрели в XIX веке с большой опаской. Опасение вызывали провоцируемые книгой мечтания. Герой «нашего времени» Лермонтова признается, что раннее мечтательство его привело к представлению о жизни как о дурном подражании давно ему известной книге. Мечтательство героя Достоевского сначала лишило его собственного имени и собственной истории, а затем, соединившись с идеей, наделило его демонически враждебной «живой жизни» силой. Книжное воспитание осмысливалось негативно и с точки зрения целостности и слаженности человеческого «состава». Такое воспитание сделало из герценовского Бельтова «человека вообще», а из тургеневского Рудина — лишённого внутреннего стержня неприкаянного вечного странника.

К концу XIX века отношения между книгой и социальной жизнью складываются таким образом, что между ними начинают стираться всякие границы. У Чехова, к примеру, жизнь и книга представляются едва ли не одинаковым образом функционирующими структурами. И та, и другая программируют человека на подчинение неким отчужденным от него этическим, эстетическим, идеологическим и социальным «сюжетным» конструктам.

Не будет преувеличением сказать, что в советскую эпоху метафора «книга — учебник жизни» станет важнейшей идеологической парадигмой в области воспитания и образования. Советская поэзия приложит все усилия, чтобы сформировать детское сознание в «правильном» книго-жизненном направлении. Она отбросит все былые сомнения и опасения и скажет о роли и значении книги догматически безапелляционно. «Книг заветные страницы / Помогают людям жить, / И работать, и учиться, / И Отчизной дорожить». А вот как выглядит обращение Сергея Михалкова к товарищам детям: «Я к вам обращаюсь, товарищи дети: / Полезнее книги нет вещи на свете! / Пусть книги друзьями заходят в дома, / Читайте всю жизнь, набирайтесь ума! (С. Михалков)². И не будет скупиться на эпитеты, сравнения и метафоры.

Другой поэт, В.В. Радин, сравнивает книгу с нитью Ариадны, которая ведет и приводит человека «от сказок, былин и преданий в мир жизни реальной, мир науки и знаний»:

Книги учат детей
Всем премудростям жизни —
Как быть Человеком,
И быть нужным Отчизне,
И как правду от лжи
Все должны отличать,

© С.В. Савинков, 2013

Как бороться с врагом
И как зло побеждать.
Книги им помогают
Красоту постигать,
Как прекрасное видеть,
Как его передать,
И как в малом увидеть
Большое значенье,
И как в жизни найти
Золотое сеченье.
Мудрость книжных страниц —
Это жизни уроки
О дне предстоящем
И о наших истоках.

Книга объявляется учебником жизни и в том смысле, что она способна к едва ли не беспредельному расширению границ жизненного опыта: то, что невозможно осуществить в ограниченной временем и пространством реальной жизни, оказывается возможным успешно осуществить в реальности книжной. Иными словами, путешественником можно стать, отправляясь не в реальное путешествие, а в книжное. Для поэта А. Лугарева принципиальной разницы между книжным и реальным путешествием как бы и не существует.

Я постоянно в далёких походах:
На самолётах и теплоходах,

*Савинков С.В.
Воронежский государственный университет.
Профессор кафедры истории журналистики и литературы.*

Яхтах, каноэ, автомобилях
«Жму километры» и «меряю мили».

Нет, не обманщик я и не врунишка,
Просто мальчишка, читающий книжки,
А путешествовать в дальние дали
Начал лет в семь, по страницам журнальным.

Пожалуй, наиболее ярко о демиургической мощи книги говорят строки из стихотворения Виктора Бокова: «Книга — волшебник, умеющий небыль / В быль превращать и в основу основ».

Можно сказать, что слова популярной в советскую эпоху песни-гимна «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью» были осуществлены, но осуществлены особенным образом. Сказка стала былью не потому, что она осуществилась в реальности, а потому, что она эту реальность собой заменила.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Статья написана при поддержке гранта РГНФ, проект № 12-04-00041 «Семиотика и типология русских литературных характеров (XVIII—начало XX вв.)».
2. Это и последующие стихи детских поэтов о книгах и чтении взяты на сайте: http://allforchildren.ru/poetry/index_book.php

*Savinkov S.V.
Voronezh State Universitet.
Professor of the department of journalism history and literature*